

ГЛАВА 22.

Во многих культурах проституция – это единственный способ, при помощи которого женщины чувствуют власть над мужчинами. Журнал Nestle (1987 г.) пишет: «В самых ранних библейских описаниях проституток говорится, что они бесстыдны, полны высокомерия и не любят подчиняться».

В журнале Sex Work (1987 г.) Делэко́ст и Александр публикуют письма женщин из индустрии секса. Женщины выражают свои чувства на бумаге, описывая неравные отношения между мужчинами и женщинами в современном западном обществе, и сравнивают свои жизни в роли проституток и не проституток. Многие женщины, впервые встав на этот путь, рассказывали, что они тогда почувствовали себя очень сильными, и наградой им за это стало позитивное изменение в себе. Журнал Leigh заявляет, что «проституция – интенсивный курс, обучающий самоуверенности».

«Когда вы зарабатываете деньги сами, – пишет одна проститутка, – то тут идет оценка именно вас, вашей личности, вашего очарования, вашей внешности, вашей способности убедить, вашей способности продать. Это требует сил и определенного мастерства. Я долго ждала, чтобы увидеть эти качества в себе...»

Я приехала в Бангкок вовремя, потому что хотела встретиться за обедом с Нок и Муном до того, как начнется их работа. Мы встретились, чтобы отпраздновать день рождения Муна, но я сомневалась, что это действительно был день его рождения. Сейчас я уже точно научилась определять, когда Нок придумывала новую ложь, чтобы достичь какой-нибудь своей цели. Я запомнила ее историю об умершей матери, рассказанную японцу Ямагучи. В последний раз, когда я ее видела, она вроде бы пребывала в полном восторге от Муна, и по идее хотела своим плутоватым мастерством произвести на него впечатление. Придумывая историю про день рождения Муна, она просто задумала вытянуть с меня подарок. Вот такие они, женщины Патпонга, одних они любили, а других обманывали, практикуясь в

своей хитрости. Хотя это и раздражало, я мотала на ус. Мне хотелось проследить за развитием их романа. Я завернула в бумагу деревянного слона для Муна и дала себе установку не выглядеть саркастично в тот момент, когда нужно будет его поздравить.

Мы снова пошли в универмаг Робинсон. Когда я вручила Муну подарок, Нок выглядела разочарованно. Это не было магнитофоном или золотой цепочкой, но, тем не менее, я смотрела на Муна гордым взглядом, изображая из себя ту, что купилась на ее уловку.

– Как твоя поездка на остров? – спросила я ее, помня, что какой-то клиент планировал взять ее с собой. – Было весело?

Она поколебалась, скривившись, и затем неохотно согласилась. Я предположила, что для нее это была обычная рутина.

Когда мы встретили Джека на обратном пути, я попрощалась с Нок и Мун, а сама осталась.

– Я купила тебе подарок из Малайзии, – сказала я, давая ему пачку сигарет.

Заметив ссадины на его предплечье, я спросила:

– Что случилось?

– Вчера вечером я привел гостя в бар, но там не было шоу. Я не хотел возвращать ему деньги, поэтому сбежал. Порезался об электрический провод.

Мне было жаль в этой ситуации именно Джека, а не клиента, которого он обдурил. У Джека была рискованная профессия. Я задалась вопросом, а как часто у Джека были подобные неприятные столкновения. Я знала, что он не любил обманывать людей и предпочел бы иметь честную и уважаемую работу.

– Я иду домой сегодня пораньше. Мне хочется отдохнуть от поездки.

– Я приду позже.

– Замечательно.

Перед тем, как подняться к себе, я остановилась, чтобы просмотреть газетные новости. На первой полосе Bangkok Post была фотография женщин в платьях без бретелек, а рядом заголовок: «Массажистки собирают деньги для пострадавших на Юге Таиланда». В статье было сказано: «Женщины из пяти массажных салонов на Нью-Петчабури-Роуд заработали более чем 200 тысяч батов и передали их пострадавшим от наводнения». За полмесяца больше чем четыре сотни девочек из баров планировали пожертвовать по десять батов с каждой полуторачасовой «массажной сессии» в помощь жертвам наводнения. «Мы решили пожертвовать наши деньги,

чтобы помочь им, даже несмотря на то, что большинство из нас из бедных семей и имеет голодных родителей и детей, о которых тоже нужно заботиться», говорилось в газете. Массажистки утверждали, что знают, что значит быть голодным, ведь каждая из них проходила через это. Все в Таиланде оценили поступок массажисток и не сомневались в том, что эти «драгоценные сессии» принесут пользу.

Я ощутила праведный гнев от несправедливости. С одной стороны Таиланд хвалил проституток за их сострадание, а с другой осуждал, считая их отбросами общества.

Звонок Джека разбудил меня в три часа ночи.

– Я курю твои сигареты, – сказал он. – Вкус как Мальборо.

Я сомневалась, что дешевый малазийский бренд был похож на Мальборо. Мальборо был запрещен в Таиланде, но этот, в принципе доступный контрабандный бренд, распространяемый на улицах, был дорогим символом престижа и положения в обществе. Этим брендом он обдуривал клиентов, прося купить ему пачку. Сейчас у иностранных сигарет, привезенных его подружкой-фарангом, был тот же самый аромат престижа.

Мне было приятно, что он оценил мой подарок. Я рассказала ему о том, что читала в газете.

– Массажистки жертвуют деньги, чтобы помочь пострадавшим от наводнения.

– Я могу сказать, что практикую свой английский. Внезафное нафоднение. Так хорошо?– снова картавя, произнес он.

Я засмеялась.

– Нет. Ты практиковал это со своими клиентами?

– Да, но они тоже не понимают меня.

– ВНЕЗАПНОЕ НАВОДНЕНИЕ.(FLASH FLOOD)

– Внезафное нафоднение.

– Гоббл-гоббл!

– Уут-уут!

– Это сова!

– Нет. Свинья!

Мы занимались любовью и учили друг другу словам, замечательно проводили время, но мне нужно было поспать перед тем, как взойдет солнце.

– Я должна кое-что сделать утром, давай поспим.

– Можем мы еще чуть-чуть не ложиться, – сказал он, ставя будильник так, чтобы он стоял перед нами. – Я должен уйти в шесть, чтобы разбудить господина Тарна.

– Ты уходишь?

– Не сейчас. В шесть часов.

Мы легли обнявшись, но спать не получалось. Мой мозг был расстроен догадками, что что-то было явно не так в его словах.

– Почему ты должен разбудить господина Тарна?

– Если я этого не сделаю, то он не проснется.

– Почему он сам не заведет будильник?

– У него нет.

Я почувствовала, что он лжет.

– Я не верю тебе. Что происходит?

Он выглядел так, будто был пойман в ловушку.

– Скажите мне, почему тебе нужно уходить. Если тебе нужно только разбудить г-на Тарна, то ты можешь пойти к нему и вернуться, и даже взять мой будильник.

Он ходил по комнате, расчесывая руками волосы, словно хотел придумать что-то блестящее.

– Ты должен объяснить мне. Мне нужно это знать, – упорствовала я.

Мои сомнения разрослись до невероятных размеров. Это случилось уже в который раз, и я хотела уже наконец-то все понять. – Ты не можешь рассказать мне старую ложь и ожидать, что я поверю в нее.

Наконец-то он сказал:

– Хорошо, я скажу тебе правду.

Он несколько раз пытался начать, но каждый раз менял тему обсуждения, будто споря с самим собой в голове.

– Я не хочу ничего слышать о бизнесе с господином Тарном! Скажи мне, почему ты должны уйти в шесть утра?

– Я хочу рассказать тебе, – убедительно сказал он, но когда начал говорить, выглядел взволнованным и снова начал описывать свою жизнь.

– ОТВЕТЬ НА ВОПРОС!

– Хорошо.

Он сидел возле меня положив свою руку мне на ногу.

– Иногда Тум приходит меня повидать. Я должен быть там.

Дум! Он встречается со своей женой! Я почувствовала чудовищную несправедливость по отношению ко мне, тут же возникла ревность и гнев. Я скрестила руки на груди и отсела подальше от него к стене.

– Тогда уходи прочь. Проваливай к своей жене. Оставайся с ней. И не приходи назад.

Он был в шоке.

– У меня нет жены.

– Нет есть. Иди к ней.

Он не двигался и выглядел очень грустным.

– Уходи уже наконец. Я не могу жить с этим. Я не буду жить с женатым мужчиной. В Америке тебе не позволят иметь нескольких жен. Женщины этого не допускают. Убирайся отсюда. Иди к своей Дум.

– Она ничего не значит для меня. Я хочу, чтобы она нашла кого-то другого.

– Она не будет этого делать, потому что у нее есть муж.

– Я не вместе с нему.

– Правда что ли?

– Она найдет другого человека.

– Нет, она не хочет этого. У нее есть ты.

– Нет, у нее нет меня. Я говорю ей уходить, и она уходит.

Это что, предполагалось, заставит чувствовать меня лучше? То, что он мог командовать своей женой?

Он повторил, что все будет решено через полгода. Он рассеянно рисовал коробку и написал на ней – «6 месяцев».

– Мне нужно время, чтобы исправить свою жизнь, – сказал он.

– Прекрасно. Иди и чини ее. Только не возвращайся сюда больше.

Он не уходил, а я все еще был сердита.

– У кого твой сын Банк?

Глаза Джека задергались, как будто я снова уличила его в чем-то. Тогда он посмотрел мне в лицо и сказал:

– Он у Тум.

Это значило, что он наконец-то говорил мне правду? Предполагается, что теперь я должна была встать на его сторону, когда он все открыл мне? Он сидел на одном конце кровати, а я на другом. Мы мрачно смотрели друг на друга.

– Уже больше шести, почему ты не уходишь? Ты опоздаешь на встречу к Дум.

– Я не могу уйти, пока тебе это не нравится.

Я глубоко вздохнула. Что я должна сделать? Он действительно говорил мне и раньше, что наше время придет только через несколько месяцев. Это не было новым. Я понимала, что это время жесткого периода в его жизни. Может, я веду себя как испорченный ребенок, требуя, чтобы он оставил свою семейную жизнь, ведь у меня самой нет желания выходить замуж? Имела ли я право сердиться на него, когда также лгала ему?

Что, если он действительно бросает все, чтобы быть со мной? Я также не хотела и этого.

Я не знала сама, чего я хотела, но одного я хотела точно – стереть сейчас это несчастное выражение с его лица. Я подползла к нему и обняла руками его шею. Мы молча обнимались какое-то время. Затем он уехал.

Когда Джек скрылся за дверью, я опять была переполнена сомнением, плохим предчувствием и путаницей. Мне не нравилось чувствовать себя в гареме. Как чувствуют себя при этом тайские женщины? Дум также себя чувствовала?

Я снова хочу быть полностью поглощенной своим проектом. Что мне надо сделать? Пойти в университет Чула? В библиотеку Bangkok Post? Я должна была сделать что-то яркое в моей работе, такое, чтобы я смогла почувствовать контроль. Мне сейчас необходим успех, чтобы уравновесить мои проблемы в отношениях с Джеком.

Может, мне стоит взять интервью у кого-то из Post. Как насчет Тринка? Возможно, пришла пора встретиться с ним. Если я смогу улучшить взаимопонимание с фарангом, может, моя неуверенность с Джеком перестанет быть настолько опустошительной.

На этот раз, когда я подошла к столу регистрации, спросила Бернарда Тринка. Они позвонили и нашли его. Вместо того, чтобы пойти налево в библиотеку, я пошла направо, в отдельную часть здания, где было много столов. Тринк сидел в дальнем правом углу.

Лысеющий мужчина пятидесяти лет, он держал во рту трубку, которая свисала с нижней губы. Похоже, он с радостью готов поговорить со мной. Очевидно, все желающие получить информацию о Патпонге или проституции искали его.

– Я тоже из Нью-Йорка, – произнес он после того, как я рассказала ему о себе. – Сначала я приехал в Таиланд в 1962-м, а поселился в Бангкоке уже в 1965-м.

– Вы женились на тайке?

Я уже знала об этом из его колонки, где он ссылался на свою жену, затрагивая тему ее кулинарии.

– Да. У нас трое детей.

– Вы говорите на тайском языке?

– Нет.

– Как вы берете интервью у проституток?

– У меня есть тот, кто переводит.

– Можно мне посмотреть ваши файлы о Патпонге и его женщинах?

– Я не держу файлы. Я просто пишу колонку и все.

Хотя наш разговор начался дружелюбно, потом градус снизился, когда я решила, что смогу вовлечь его в обмен идеями. Я забыла, что он, как человек, долгое время живущий в Таиланде, вероятно, не рассматривает возможность дискуссии с женщиной как с человеком. Находясь далеко от Запада, он также был далек от идей феминизма, и поэтому как мужчина, живущий с тайкой, должен был защищать свое собственное видение о месте мужчины и месте женщины.

Ему не понравилось, когда я сказала: «Патпонг открывает двери для мужественных женщин, у которых нет шанса достигнуть чего-либо еще. Если женщины остаются в пределах формата тайского общества, то у них нет никакой возможности прийти к власти».

– Власть?! Тайские женщины очень влиятельны, – возмущенно сказал он. – Мужчины передают свои деньги женам, а затем живут на карманные деньги. Жены управляют деньгами.

– Но жены ничего не могут сделать, кроме как купить на них рису и заплатить мяснику, – уже спорила я. – Мужчины используют их «карманные деньги», как вы называете это, чтобы выйти на улицу, встретиться с друзьями, или сделать что-либо еще. Кого волнует то, что женщина, хранящая деньги мужа, может только пойти в магазин и купить там моющих средств для дома или перец чили!

– Проституция – это только хуже для них.

– Хуже? Без образования, без финансовой поддержки, без эмоциональной поддержки? Что может сильная женщина, нежелающая быть одной из нескольких жен своего мужа?

– Нет, – сказал он. – Нет ничего хорошего для них на Патпонге. Женщины там только портятся. Жизнь их трепет будь здоров. Они теряют себя как женщины. Они разрушаются как люди. Они становятся жадными.

– Вы подразумеваете, что они портятся как девственницы или как податливые маленькие женщины, которые могли бы стать послушными женами?

– Вы не знаете, о чем говорите.

Прожив в Таиланде столько времени и поварившись в гуще Патпонга, я сразу поняла, что фаранг-мужчина воображает себе беспомощных женщин, брошенных судьбой в эту презренную работу. Мужчины-фаранги чувствуют свое превосходство, ругая женщин за их лживость, и чувствуют себя принцами, давая им пару батов. Я понимала, что сейчас мне надо принять точку зрения Тринка, но

из-за ссоры с Джеком я была напряжена и не делала этого. Какая же я идиотка.

– Понятие «не девственница – испорченная женщина» делает вас женофобом, – продолжала я спорить словно первокурсница. – Ваша колонка отражает взгляды человека, принадлежащего к элите, и даже к расизму, посредством чего вы судите несчастных тайцев по тем ценностям, которые больше подходят для привилегированного среднего класса фарангов. Иногда честность и справедливость в бизнесе может быть роскошью, непозволительной для низшего класса.

Как я позволила своему рту сказать это? Джек сделал меня истине чокнутой.

– И вы слишком строги с мужчинами Патпонга, – продолжала я, не считаясь ни с чем.

– А что мужчины Патпонга? Вы имеете в виду этих слизняков, не так ли? Они презрены. Они обманывают всех вокруг.

– Они делают то же самое что и женщины. Почему вы жалеете женщин, но презираете мужчин?

– Ни у кого не найдется доброго слова для этих отвратительных слизняков. За исключением вас. Девочки Патпонга не хотят иметь с ними дел. Все, с которыми я общался, говорят, что ненавидят мужчин Патпонга.

– То же самое они говорят и мне, но я не думаю, что это действительно так. Я знаю, что они возмущаются друг на друга в определенные моменты, но, в конце концов, они имеют много общего. И это объединяет их против фарангов и западной культуры.

– Послушайте, мне больше ничего вам сказать, – перебив меня, отрезал он. – Вы никогда не сможете понять мой путь, а я никогда не смогу понять ваш. У вас нет ключа к разгадке того, что происходит в этой стране. Меня считают здесь экспертом даже сами тайцы. Я думаю, вам лучше уйти.

И мне больше нечего было сказать ему, я выдохлась.

По крайней мере, я доказала ему свое превосходство, – думала я, когда шла обратно домой. Однако я понимала, что неудачного интервью с Тринком можно было избежать. Если бы я держала рот на замке и выслушивала бы его мнение. Ведь оно отражало точку зрения фарангов. Джек спутал мне все карты, лишив способности адекватно планировать и рассчитывать. Мое погружение в Патпонг создало потребность в интеллектуальном общении, но мне нужно было понимать, что я не смогу найти этого с мужчинами-фарангами, и уж тем более с молодым тайским любовником.

Джек позвонил около двух. Рановато для него, – подумала я. Он приехал на обед, принес с собой лапшу в полиэтиленовом пакете.

– Почему ты ничего не ешь? Тебе не нравится? – спросил он.

Мой живот просил меня ничем его не кормить.

– Я не голодна и не могу есть, потому что я расстроена. Из-за тебя. Также я не могу спать. Я разбита. Почему ты пришел в это время?

– Я тоже. Я не могу спать. Я должен был прийти к тебе.

Я рассказала ему о беде с Тринком.

– Мне нужно было подготовиться заранее, чтобы сказать ему то, что нужно, а не думать вместо этого о тебе.

Он понимал, что это была весомая причина, почему я не могла работать как следует.

– Дум приходила сегодня утром?

– Нет, она не пришла.

Затем он сказал:

– Проблема с Тум – моя проблема. Я не хочу видеть тебя печальной. Не думай о ней больше. Я хочу быть с тобой. Мы будем путешествовать. Мы поедем в Пинанг и на Пхукет.

Я любила слушать, что мы будем путешествовать вместе, хотя я боялась, что он увидит дату моего рождения в паспорте. Так как у него пока еще не было паспорта, об этом можно было не волноваться.

– Ты согласна? – спросил он. – Ты больше не будешь думать о ней?

Он протянул руку, и мы обменялись рукопожатиями в знак согласия. Эта ситуация выбила Джека из колеи точно так же, как и меня, поэтому я просто сказала:

– Хорошо.

Он тоже сказал долгое «Оооооооо», и стал выглядеть так, словно с его плеч свалился груз.

Мы хорошо провели день, затем он заснул, смотря телевизор. Почему-то он всегда лежал головой у меня на коленях, а мне приходилось при этом сидеть. Он проснулся как раз во время новостей, а затем поехал в работу.

Как только он исчезал из поля моего зрения, моя голова снова наполнялась разными сомнениями и подозрениями. Как он может просить меня не думать о его жене? Может быть, это очередная манипуляция? Теперь, когда я пожала ему руку, я не должна была вновь затрагивать эту тему. Я была загнана в угол и негодовала.

И еще я все-таки решила избавиться от этого дурацкого брелка с картошкой фри из Макдональдса. Грубая и уродливая штукавина! Я преувеличила значение этого подарка от Джека. Он подарил точно такой же брелок и г-ну Тарну. Если это ничего не значило для Джека, то и для меня тоже. Как он смеет оставлять меня, чтобы пойти к Дум! Я закинула брелок под раковину. Ска-тертью дорога.

На следующее утро я позвонила Алексу, чтобы узнать вернулась ли Хой.

– О-о-о! Привет, – ответил женский голос.

– Ты вернулась! – воскликнула я. – Алекс думал, что ты бросила его. Он был очень подавлен.

Она хихикнула, будто уверенная в том, что все мужчины-фаранги должны сохнуть по ней.

– Сестра На тоже здесь, – сказала она. – Хочешь поговорить с ней?

– Нет, нет. Я хочу поговорить с Алексом.

Когда Алекс подошел к трубке, я сказала ему:

– Вот видишь, я говорила тебе, что она вернется.

Он вздохнул.

– Да, но На и ее дочь Ах тоже здесь, – сказал он, точно так же, как и неделю назад. – На грубит мне. Она требует, чтобы я давал ей деньги и не извиняется за то, что брала в прошлый раз мои вещи.

– Как Ах?

Он застонал.

– Я пытаюсь заставить ее учиться, но это невозможно. Она следует примеру Хой. Она

становится ленивой, и ее волнует только еда. Теперь у меня есть две ленивые девочки, которые ногами кверху смотрят мультфильмы и едят.

– А что насчет агентства эскорта? Ты звонил им?

– Да, но никто не ответил. Должно быть они переехали. Я отказался от этой идеи. Я хочу попробовать себя в модельном агентстве, но не думаю, что получу работу. Я некрасивый.

Такое убеждение Алекса удивило меня. Как раз наоборот, Алекс выглядел очень хорошо. Мне сразу стало интересно, а не возникло ли такое отношение к самому себе благодаря влиянию Хой?

Этим вечером я не пошла на Патпонг. В три утра позвонил Джек. Я, как обычно, была очень рада услышать его голос, и отодвинула в сторону все сомнения.

– Ты где? – спросила я.

– У г-на Тарна. Я сейчас приеду к тебе. Буду через сорок минут, на улице пробки.

А почему сорок минут? Если он шел с Патпонга, то какое отношение к нему имеют пробки на дорогах? Где же он был? У Дум? Так как я обещала не думать о ней, то и не могла спросить. Я негодовала, потому что он заставил меня принять это.

Когда он пришел, я уже настолько была рада его видеть, что забыла про все подозрения. Он поправил мой тайский язык повторением домашнего задания.

– Внезафное нафоднение.

– Внезапное наводнение!

Мы засмеялись.

– Когда ты будешь сдавать экзамены по тайскому языку? – спросил он.

– В мае.

Экзамены проходили только два раза в год. Если я не сдам их, то придется заплатить еще за восемь месяцев обучения. Тайское правительство давало иностранцам тест на эквивалентность. Он состоял из четырех частей: диктант, официальное письмо, написанное в формальном стиле, на одну из 30 разных тем, чтение вслух и разговорная сессия с тайским чиновником. Я хотела получить свидетельство об окончании, чтобы показать моим преподавателям, что я выучила язык. Школа A.U.A. готовила меня к экзамену по тайским книгам начальной школы, где персонажи Пити, Мани и обезьяна по имени Джао Джау были коллегами Дика, Джейн и Спота.

– Ваши школьные книги ужасны, – сказала я Джеку. – Мальчик Пити – смелый, творческий и умный, в то время как девочка Мани боится мелких насекомых, темных пещер, не хочет поднимать личные вещи, и это глупо. Такие книги учат тайских женщин быть малодушными и отсталыми.

Джек выглядел смущенным так же, как и тайский учитель, которому я сказала то же самое.

– В книге, – продолжала я, – в классе Пити было задание посадить что-нибудь.

Мальчики посадили овощи и бамбук. Затем они обсудили пользу от этого. Девочки посадили цветы. Это все учит мальчиков думать и планировать, а девочек – быть легкомысленными и бесполезными.

– Мужчина должен быть более умным, чем женщина, – сказал Джек. – Иначе ничего хорошего не выйдет.

Правильно, подумала я, если женщины будут слишком умными, то они поймут, когда мужчины врут им. Меня сразу заинтересовал вопрос, а не считает ли Джек, что у меня с этим проблема.

Мы играли в крестики-нолики, и я все время побеждала. Затем мы играли в игру, где мы записывали числа и должны были выяснить число друг у друга. Я также выигрывала. Затем мы играли в тайскую монополию, он загребал деньги и собственность.

– Бизнес, – объяснял он. – Эта моя профессия.

Но я заметила, что он порою жульничал. Он увлекся игрой, а время шло и шло. Приближался рассвет, и птицы уже всю щебетали. Я хотела спать, но не могла прервать игру, потому что он побеждал.

– Эй, ты взял себе слишком много денег! Положи назад. Это несправедливо!

– Извини, – говорил он. – Я ошибся.

Наконец я проиграла. Аллилуйя. Я решила, что наконец-то могу поспать, но нет. Он нашел игру-головоломку и поставил на часах таймер, чтобы мы могли определить, кто быстрее отгадает ее.

– Я устала и хочу спать.

Он был полон решимости поиграть в игру, поэтому я пошла в кровать, позволив ему играть в одиночку. Вскоре он лег возле меня и сказал, что должен рано встать, чтобы пойти к дантисту.

– Я сегодня потерял зуб. В один прекрасный день у меня кончатся все зубы.

В мое сердце будто вонзили нож. Я помнила, что он однажды сказал о неприязни к женщинам с плохими зубами. Мысль о том, что у него не будет передних зубов, причиняла мне острую физическую боль. Это испортит его красивое лицо.

Он сказал, что после дантиста будет чувствовать себя очень плохо и вернется ко мне, чтобы поспать. Так как я планировала выйти по делам и не знала, сколько времени мне не будет, я предложила ему запасную связку ключей, чтобы он не ждал меня. Протягивая ему ключи, я не могла поверить в то, что делаю. Я ведь клялась сама себе никогда больше не делать этого. Я все еще не была уверена, что он однажды не ограбит меня.

Он заколебался, затем сказал:

– Я не могу принять их, пока не улажу свою жизнь.

Но я хотела дать ему ключи только на сегодняшний день, не навсегда. Я почувствовала огромное облегчение, когда он их не взял. Затем я снова почувствовала, что меня отвергли. Как только он уехал к дантисту, мне показалось подозрительным что он снова ушел

утром. Может, меня снова надули? Может, он снова ушел, чтобы встретиться с Дум?

Он позвонил мне днем, чтобы удостовериться, что я дома, и сказал, что скоро принесет обед. «Обедом» оказались три крошечных печенья, какие мы ели на празднике Лои Кратонг. Ими едва ли можно закусить.

Я почувствовала, что что-то изменилось после того, как он позвонил. Почему он задержался и пришел почти без денег? Может, при встрече с Дум он отдал ей свои деньги, поэтому у него не хватило на полноценный обед? У него действительно во рту было все в крови, а щека раздута. Он проглотил обезболивающее и выпил сироп от язвы. Затем он заснул. Почему я трачу так много нашего времени на то, чтобы смотреть как он спит?

Мы снова смотрели телевизор в нашей обычной позе: он лежал, а я сидела. Я не желала мириться с такой однобокостью, но сказала себе: ты не можешь жаловаться, пока ему больно.

До одиннадцати он был у меня, затем подойдя к двери, показал на свой рот и на живот.

– Все очень плохо.